

ЙОХАНАН ПЕТРОВСКИЙ-ШТЕРН

НИКОЛАЙ I И ЕВРЕЙСКАЯ РЕКРУТЧИНА: НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ¹

26 августа 1827 года Николай I подписал Указ о рекрутской повинности евреев, предусматривающий введение обязательной военной службы для жителей иудейского вероисповедания черты оседлости. Не считая аналогичные, но вполне умеренные попытки Екатерины II включить евреев в русское общество, приписав их к сословиям мещанскому и купеческому, николаевский указ был первой энергичной попыткой интегрировать еврейское население пятнадцати западных губерний, присоединенных к России в результате трех разделов Польши. Опередив на сорок лет Великие реформы Александра II, николаевский указ о еврейской рекрутчине имел куда более важные последствия, чем николаевские же более поздние указы об учреждении государственных школ для евреев или о переподчинении еврейских обществ казенным раввинам. Николай рекрутировал евреев в империю задолго до того, как евреям было позволено воспользоваться имперским высшим образованием или войти в имперскую политику.

Введение военной повинности в Европе положило конец исключительному правовому положению евреев и во многом способствовало их постепенной интеграции в общественно-политическую жизнь. В целом, в Австрии, Пруссии и Франции, не говоря уже о США, военная служба способствовала трансформации «сообщества подданных» в «сообщество граждан». Армия была призвана стать тем самым социальным институтом, целью которого было создание и воспитание нового индивида, «солдата-гражданина», как говорил

¹ Статья опирается на новонайденные материалы и документы, не вошедшие в мою книгу «Евреи в русской армии, 1827–1914» (М.: Новое литературное обозрение, 2003. Серия *Historia Rossica*).

Жан-Поль Берто. Евреи в европейских странах оказались в списках призывников только тогда, когда им были дарованы равные с остальным населением права — или непосредственно перед объявлением о полной или частичной еврейской эмансипации. Австрия призвала евреев в 1788–1789, Франция в 1792, а Пруссия в 1813 — при этом Закон о терпимости, уравнивающий евреев как субъектов империи в правах с остальным населением, был принят в Австрии в 1782, закон о еврейской эмансипации был одобрен Национальным собранием Франции в 1791, а эдикт о еврейской эмансипации был принят в Пруссии в 1813. Европейские монархи рассматривали исполнение евреями воинской повинности как важнейшее условие еврейского равноправия. Если евреи добивались равных с остальным населением гражданских прав, само собой разумелось, что в обмен на дарование им гражданских свобод от них можно было требовать исполнения обязанностей перед государством. С точки зрения австрийцев, немцев или французов, готовность евреев к самопожертвованию ради общего национального блага означала, что они вполне заслуживают равных с остальным населением прав.

В России распространение на евреев военной службы отражало общеевропейские политические тенденции, но шло по особому пути. С помощью рекрутчины Россия одним махом интегрировала евреев в империю. Вместо гражданских свобод евреям была предложена государственная повинность. Такой ход противоречил европейской логике, но вполне удовлетворял имперской российской. С точки зрения российских монархов повинности значили много больше, чем права и обязанности подданных. Верноподданным был тот, кто безропотно нес бремя государственных обязанностей, а не тот, кому были дарованы блага гражданских свобод. Действительно, на евреев была возложена обязанность обязательно-принудительной двадцатипятилетней службы, причем взамен они (за исключением прошедших службу до реформы 1874 г., прежде всего — николаевских солдат) не получили ни социальных льгот, ни гражданских свобод. Более того, к еврейским рекрутам члены их семей относились как к навсегда ушедшим — надежды увидеть их снова не было решительно никакой. Разумеется, что с точки зрения государственной администрации оказаться в числе тех, кому дозволено было исполнять повинность, в 1820-е годы было привилегией, а не наказанием. В отличие от десятков других социальных, этнических или религиозных групп, оставшихся за пределами рекрутских сказок, евреям было *высочайше даровано* право служить отечеству. Чтобы объяснить государственную точку зрения на введение еврейской рекрутчины, данная статья предлагает два контекста: внешний европейский и внутренний, российский, связанный со спецификой еврейских реформ в Восточной Европе и включающий контекст Царства Польского.

Европейский призыв

Воинская повинность представляла собой одно из наиболее эффективных социальных преобразований, способствовавших становлению европейской государственности новейшего времени. Перед всеми без исключения европейскими монархами — Иосифом II, Николаем I, Наполеоном Бонапартом, Фридрихом Вильгельмом III — стояла одна и та же задача: превратить подданных, проживающих в государстве, в сознательных верноподданных граждан империи, способных в любую минуту стать на защиту государства, с которыми они себя идентифицируют. Военная служба в национальной армии представлялась идеальным способом перекройки старого многослойного феодального общества по единой имперской мерке. Приведение общества к имперскому стандарту началось со стандартизации государственных обязанностей. Служба в армии нового образца, опирающаяся на патриотов отечества, а не на своекорыстных наемников, преследовала далекоидущие цели. Во-первых, она меняла систему ценностей призывников, для которых лояльность государству, государственным символам и государственным институтам оказывалась выше корпоративных интересов. Во-вторых, она предлагала совершенно новые формы военной подготовки, в результате резко повышалась боевая эффективность регулярной армии, несравнимая с малоподвижным и лишенным патриотической мотивации наемным войском. В-третьих, она позволяла осуществлять постоянный государственный контроль за различными общественными группами, подпадавшими под призыв. Наконец, она способствовала появлению военно-ориентированного гражданского самосознания, а вместе с ним — и формированию нового типа отношений индивида и государства.

Государственная администрация европейских стран утверждала, что готовность индивида исполнять воинскую повинность означала его лояльность по отношению к государственным символам и его готовность к полноправному гражданству. И хотя преобразование подданных иудейского вероисповедания в полезных евреев представляло собой важнейший пункт в программе общеевропейской еврейской реформы, которую французские политики-просветители называли «регенерацией», утилитаристские соображения были далеко не единственными соображениями, которыми руководствовались военные министры, включая евреев в списки призывников. Евреи порой оказывались в рекрутских списках не из практических соображений высших государственных чиновников, а из-за политических или философских убеждений монарха, приверженного идеалам французского Просвещения или «полицейского», то есть «хорошо управляемого» государства. В Австрии, например, Иосиф II пришел к мысли о необходимости распространения на евреев воинской повинности вопреки рекомендациям военного министерства, счи-

тавшего, что евреи Австрии решительно не готовы к этому испытанию. Радикальная просветительская идеология Иосифа одержала верх над прагматическими установками его чиновников. Иосиф аргументировал свое решение так: «Еврей — как человек и согражданин — несет повинности, которые не могут быть отменены, повинности, которые он обязан отправлять самолично»².

За десять лет до того, как французское Национальное собрание постановило, что армия — идеальный институт для воспитания патриотически настроенных граждан, Иосиф II решил, что военная служба — отличный тигель для выплавки полезных подданных. Он полагал, что, наряду со многими другими этническими группами империи, евреев — с точки зрения просветительских идеалов, людей непродуктивных или даже паразитических, говорящих на каком-то невообразимом жаргоне и живущих по мракобесным средневековым законам, — следует германизировать (то есть, онемечить), милитаризовать (призвать в армию), и юридически унифицировать (переподчинив государственному законодательству). Эти три меры составили три основные реформы, направленные на трансформацию евреев Австрии — этнической группы со своими характерными экономическими интересами, своими общинными ценностями и провинциальным мирком, — в немецкоговорящих и патриотически настроенных габсбургских евреев. Решение Иосифа об объявлении еврейского рекрутского набора вполне соответствовало утилитарным целям, объявленным в Эдикте о терпимости 1782 года, и было вызвано к жизни прежде всего тем обстоятельством, что в результате разделов Польши Австрия удвоила свое еврейское население. В 1788 году император Иосиф II, вопреки мнению своим министров, отдал распоряжение объявить о призыве в армию евреев, позволив им служить только в транспортных войсках и артиллерийских корпусах в качестве погонщиков и помощников при орудиях. В 1789 австрийская администрация объявила о наборе в армию среди галицийского населения (значительно более плотного и экономически слабого, чем остальное еврейское население империи), а затем и среди остальных еврейских общин, позволив евреям записываться также и в инфантерию.

Между 1790 и 1806 годами, когда преемник Иосифа свернул многие из уже запущенных еврейских реформ, военный министр временно позволил евреям заменить натуральную рекрутскую повинность выплатой отступной суммы. Однако во время наполеоновских войн от евреев снова стали требовать рекрут натурой. В 1810-е годы австрийская армия насчитывала около 36200 евреев — в де-

² См.: Michael Silber. From Tolerated Aliens to Citizen-Soldiers: Jewish Military Service in the Era of Joseph II // Pieter M. Judson, Marsha L. Rozenblit, eds. Constructing Nationalities in East Central Europe. New York: Berghann Books, 2005. P. 25–26.

сять раз больше, чем количество евреев, попавших в русскую армию по николаевскому рекрутскому набору 1827 г. И хотя военная бюрократия отказалась от идеи создания отдельных еврейских полков или рот, тем не менее, дабы обеспечить личному составу удобное отправление религиозных ритуалов, было сделано несколько важных уступок религиозной еврейской традиции. Например, департамент снабжения заказал специальную униформу, удовлетворяющую библейскому запрету на ношение одежды из льна и шерсти (т. н. *ша'атнез*)³. Раввины, оказавшись в принципиально новых политических обстоятельствах, были вынуждены поддержать общественные повинности, впервые возложенные на евреев: главный раввин Праги Эзекиель Ландау говорил в своих проповедях о важности исполнения долга перед отечеством, а рабби Ишмаэль Коэн, в своем респонсуме «Зера эмэт» (Семя истины), позволил евреям Мантуи (в то время — в австрийском подчинении) носить в субботу оружие⁴.

По-видимости уже в 1802 году, и совершенно точно к 1815 году, австрийский Военный совет позволил выслужившимся еврейским рядовым занимать офицерские должности. В 1825 г. было принято решение допускать в армию евреев-врачей и представлять их к офицерскому чину. В то же время, военный совет ограничил продвижение евреев по службе в резервных войсках. В 1850–1860-х, перед самым объявлением о полной эмансипации евреев Австро-Венгрии, в военных кампаниях регулярно участвовало от 10000 до 20000 евреев. Некоторые из них, действовали так же, как, например, Карл Штрац (Karl Strass) из Богемии, который поступил волонтером в пехотный полк. В 1849 г., будучи двадцати пяти лет, он стал первым лейтенантом еврейского происхождения в Императорском Венгерском гусарском полку⁵. Благодаря эмансипации 1867 года, австрийские евреи освободились от последних элементов средневекового неравенства. В благодарность императору они

3 См.: Втор. 22: 11, и «Шулхан арух», раздел «Йоре деа», 299: 4.

4 См.: Lois C. Dubin. *The Port Jews of Habsburg Trieste: Absolutist Politics and Enlightenment Culture*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999. P. 149; Shlomo Simonsohn. *History of the Jews in the Dutchy of Mantova*. Jerusalem: Kiryat Sefer, 1977. P. 96, n. 304. Важно отметить, что чем выше был уровень еврейской аккультурации, тем выше было желание служить в армии. Так, например, евреи Мантуи и Триеста (парадоксально, обе общины были официально освобождены от воинской повинности), поддержали идею обязательной военной службы, в то время как галицийские евреи (гораздо более традиционные) пытались протестовать; см.: Simonsohn. *Jews in the Dutchy of Mantova*. P. 475, n. 501. Евреи Триеста, в своем обращении к другим общинам утверждали, что военная служба была призвана внушить евреям «любовь к труду и нетерпимость к лени»; см.: Dubin, *The Port Jews*. P. 150–151.

5 См. О нем более подробно: István Deák. *Jewish soldiers in Austro-Hungarian Society // Leo Baeck Memorial Lecture*. No. 34. New York: Leo Baeck Institute, 1990. P. 8–9.

с приветствием встретили закон о всеобщей (всесословной) воинской повинности. После 1867 года число евреев в австрийской армии неуклонно увеличивалось. В 1902 году в австрийской армии служило 60000 евреев, то есть 4 % от всего личного состава — значительная цифра, если учесть, что евреи составляли около 4.5 % всего населения империи.

Евреи Австрии использовали малейшую возможность, предоставленную им законом, чтобы сделать карьеру в армии. Около 70 % всех еврейских офицеров служило в пехоте, четыре военврача еврейского происхождения дослужились до генералов армии. К 1911 году 23 австрийских еврея получили генеральские погоны. Из них четырнадцать перешли в христианство — скорее из личным побуждений, чем из практической необходимости, поскольку австрийский закон провозглашал подниматься по служебной лестнице всем без исключения, в том числе и евреям, «оставшимся в своей вере». Так, например, генерал-майор Эдуард фон Швейцер (Eduard von Schweitzer), командовавший на пике своей карьеры пехотной бригадой, остался в еврейском вероисповедании⁶. Правда, заметим в скобках, что в отличие от Франции, Австрия последовательно не допускала евреев к службе в Генеральном штабе.

Австрийская военная администрация стояла рьяно на страже чести и достоинства своих офицеров, независимо от их религиозных убеждений или этнического происхождения. В австрийской армии считалось недостойным поступком, если офицер-христианин отказывался от вызова на дуэль офицера-еврея. Австрийский солдат, нанесший оскорбление расистского характера еврейскому солдату, рисковал понести наказание и лишиться выслуги. Военная администрация относилась с уважением и к религиозным обязанностям кадрового состава. Как и в США, в 1866 Австрия учредила в армии институт еврейских военных капелланов. К началу Первой мировой войны в австрийской армии находилось 178 еврейских капелланов действительной службы и 244 капеллана запаса. После 1914 года, около 32000 солдат еврейского происхождения (в составе различных европейских армий) принимало участие в кампаниях Первой мировой. Во время войны Австрия произве-

6 В 1897 г. еврейские солдаты составляли 3 % всего рядового состава армии, в то время как офицеры действительной службы составляли 13 % всего офицерского состава. В то же время, евреи насчитывали 19 % офицеров запаса, что во много раз превосходило пропорциональное отношение евреев к населению Австро-венгерской империи. Уменьшение этих показателей к 1914 году было результатом уменьшения еврейского населения империи и усиливающегося антисемитизма, от которого даже толерантнейшая австрийская военная машина не была защищена. Более подробно см.: István Deák. *Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 133, 171, 174–178; *Ibid.* *Jewish soldiers*. P. 11–16.

ла в офицеры около 25000 евреев. Некоторые из них, например, генерал Александр фон Эйс (Alexander von Eiss), присоединились к сионистскому движению. Другие же, например, артиллерийский офицер Вольфганг фон Визель (Wolfgang von Weisel), оказались в 1940-е годы среди отцов-основателей регулярной израильской армии⁷. Верность габсбургских евреев армейским ценностям и уважение к военной службе прочно вошло в европейскую культурную память. Один из новомодных английских писателей выпустил недавно роман о группе солдат Чешского корпуса, волею судеб оказавшихся в самый разгар Гражданской войны в сибирской деревне: ими командовал лейтенант Йозеф Муц (Joseph Mutz) — рационалист, прагматик, верноподданный австрийский еврей, верой и правдой служивший прежде, а ныне готовый служить своему новому национальному (чешскому) отечеству⁸.

Приняв австрийский эксперимент с военной службой евреев как точку отсчета, просвещенные французские политики объявили военную повинность непременным условием еврейского равноправия. (Понятие «эмансипация», предложенное Вильгельмом Трауготтом Кругом (Wilhelm Traugott Krug), получило широкое хождение много позже, в конце 1820-х гг.). В пореволюционной Франции армия считалась высшей школой гражданственности, где гражданин-солдат познавал премудрости военной профессии, учился стойчески переносить тяготы службы, становился защитником новых национальных идеалов — свободы и братства, и готов был принести себя в жертву ради спасения нации и отечества⁹. С трибуны Национального собрания аббат Грегуар требовал полного еврейского равноправия. Он утверждал, что современные ему иудеи сохранили библейское представление об отваге, что они — наследники воинов Древнего Израиля и Иудеи, а потому имеют все шансы снова стать отличными солдатами. Он вопрошал риторически: «Если ев-

7 Erwin A. Schmidl. *Jews in the Austro-Hungarian Armed Forces* // Stephen Fischer-Galati and Béla K. Király (eds.). *Essays on War and Society in East Central Europe, 1740–1920*. New York: Boulder and Columbia University Press, 1987. P. 69–84.

8 James Meek. *The People's Act of Love: a Novel*. Toronto, Edinburgh, and New York: HarperCollins, 2005. P. 36–58.

9 См. теоретическое обсуждение этой темы: Jean-Paul Bertaud. *The Revolutionary Role of the Army: To Regenerate Man, to Form a Citizen, A Model for Civil Society?* // George Levitine (ed.). *Culture and Revolution: Cultural Ramifications of the French Revolution*. College Park: Maryland, 1989. P. 18–39. Призыв на военную службу был напрямую связан с эмансипацией евреев — как в XIX, так и в XX веке. Так, например, в начале 1910-х гг. власти Англии обсуждали призыв в армию русских евреев-беженцев как составную часть процесса их натурализации. См.: Eugene C. Black. *The Social Politics of Anglo-Jewry, 1880–1920*. New York: Basil Blackwell, 1988. P. 374–377; Harold Shukman. *War or Revolution: Russian Jews and Conscription in Britain, 1917*. London and Portland, OR: Vallentine Mitchell, 2006. P. 6–8.

рея можно превратить в скотовода, почему из него нельзя сделать солдата?»¹⁰

Сразу же после победы революции многие офранцузенные евреи сефардского происхождения, живущие в Париже и на юге Франции, записались волонтерами в Национальную гвардию. В то же время более традиционно ориентированные ашкеназские евреи из Эльзаса воспротивились введению воинской повинности и добились освобождения от службы¹¹. В середине 1800-х Великий Саннедрин (Синедрион), созванный Наполеоном, дабы одобрить хитроумный императорский план насильственной ассимиляции евреев, выступил за введение воинской повинности и даже объявил, что евреи, состоящие на военной службе, освобождаются от исполнения всех религиозных предписаний, включая законы о кошерной пище. Еврейские солдаты, считали депутаты Саннедрина, исполняли заповедь защищать отечество, а потому, в соответствии с буквой раввинистических законов, слагали с себя бремя всех иных заповедей. Наполеоновский декрет 1808 года запретил замену еврейского новобранца неевреем, обязав евреев нести воинскую повинность натурой. Так же, как и в Австрии, военная служба стала обязательной, и к 1812 году процент евреев в наполеоновской армии оказался пропорциональным проценту евреев среди населения Франции.

Изначально всех евреев, поступивших на военную службу, объединили в один батальон, названный Израильским корпусом (Corps Israelite), впоследствии развернутый в полк. Однако в 1810 году полк был расформирован, а еврейских солдат распределили в Первый легкий пехотный полк¹². Консistorии — французские государственные «крышевые» организации, которым подчинены были еврейские общины, проводили работу среди еврейского населения через раввинов, чтобы разъяснить евреям смысл и ценность французского патриотизма, национальной гордости и важности исполнения высшего воинского долга. В то же самое время военная администрация открыла для евреев возможности военной карьеры наравне со всеми другими гражданами. Такая стратегия принесла свои плоды: военная карьера оказалась одним из самых соблазнительных — и вполне доступных — способов, позволяющих быстро подняться по социальной лестнице и влиться во французскую аристократию. На протяжении всего девятнадцатого века евреев было непропорционально много в войсках армии, где они энергично ассимилировались в верхние эшелоны государственной бюрократии

10 Ronald Schechter. *Obstinate Hebrews: Representation of Jews in France, 1715–1815*. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 92.

11 Schechter. *Obstinate Hebrews*. P. 172–173, особенно документальные материалы собранные им в прим. 42 (P. 284).

12 John R. Elting. *Swords around a Throne: Napoleon's Grand Armée*. New York: Da Capo Press, 1997. P. 189, 325.

и имперской элиты. Во времена Третьей республики во Французской армии состояло на действительной службе 24 генерала еврейского происхождения¹³. Рожденная в разгар французской революции идея «солдата-гражданина» оказала мощное воздействие на евреев Франции, в том числе и на юного Альфреда Дрейфуса. Вдохновленный идеями служения отчизне, он решил сделать карьеру в армии, которую считал, между прочим, «школой обязанностей и чести»¹⁴. Как и в Австрии, преданность французских евреев национальным идеалам не осталась незамеченной в европейской культурной памяти. Популярный современный испанский писатель вывел в своем романе некоего Робэра, храброго кавалериста наполеоновской Великой армии, телом и душой преданного императору, который пытался скрыть, что на самом деле он — Йоссель Дорфман из эльзасского городка Ажено (нем. Хагенау)¹⁵.

События в Италии развивались по сходному сценарию. В 1790-х евреи французских и австрийских провинций Италии дебатировали, как им совмещать соблюдение иудейских традиций со службой в гражданской гвардии (*Guardia Civica*) и новыми политическими обязательствами, поставленными на повестку дня французскими революционными событиями¹⁶. Как и везде в Европе, введение в 1848 году еврейского равноправия пробудило пламенные патриотические чувства среди евреев Италии и привело 235 еврейских добровольцев под знамена армий Сардинии и Пьемонта. В Венеции 45 евреев объединились в Тосканский батальон и выбрали двух командиров — Тревиса (*Treves*) и Леви (*Levy*), еврейского происхождения. Во Флоренции капитан Бачеви (*Vascevi*), также еврейского происхождения, возглавил местную Национальную гвардию. Евреи появились в качестве волонтеров в подпольных отрядах кар-

бонариев задолго до введения равноправия, в 1820-х годах. В конце пятидесятых около 113 еврейских добровольцев присоединилось к пьемонтским стрелкам (*Bersaglieri*) и 260 еврейских солдат участвовало в военных действиях времен Рисорджименто (1859–1860). Эмансипация вскружила голову итальянским евреям, превратив их в пламенных патриотов новообразованного отечества: в 1860 г. 127 солдат еврейского происхождения сражались под знаменами Гарибальди за Неаполь, а в 1870 г. 236 вошли в Рим под знаменами Королевской итальянской армии.

В Италии, как и везде в Европе — кроме России и Пруссии — иудаизм не представлял собой преграды для продвижения по службе. В 1895 году в итальянской армии служило 104 лейтенанта, 42 капитана, восемь майоров, два полковника — Теодоро Дебенедетти (*Teodoro Debenedetti*) и Джакомо Сегре (*Giacomo Segre*), и один генерал еврейского происхождения. Генерал Джузеппе Оттоленги (*Giuseppe Ottolenghi*) закончил Туринскую военную академию, участвовал в военных кампаниях 1859–1860-х годов, в 1864 и 1866 гг. удостоился высших военных наград, в 1895 г. был назначен командующим туринской дивизией, между 1902 и 1904 г. занимал пост военного министра, а в 1903 г. был назначен командующим Первым армейским корпусом. Евреи из богатых итальянских семей считали службу в армии делом престижа. Достаточно вспомнить ведущего итальянского промышленника Федерико Ярлаха (*Federico Jarlach*), который закончил военно-морскую академию в чине гардемарина, а затем, во время италяно-турецкой кампании 1912 г., служил капитаном корабля сопровождения. В конце XIX в. количество евреев в итальянской армии в семнадцать раз превышало отношение всех евреев к населению Италии. Итальянская армия предоставила евреям неограниченный доступ к чинам и должностям по военной службе, позволив им одновременно оставаться в своем вероисповедании¹⁷.

Качественный скачок в развитии европейских армий привел не только к появлению нового способа интеграции этнических меньшинств путем их милитаризации — приобщения к военной службе, но и к возникновению новой концепции рядового солдата. После разгрома прусских войск под Йеной Герхард Йохан Давид фон Шарнхорст (*Gerhard Johann David von Scharnhorst*), впоследствии возглавивший Главный штаб, разработал концепцию «просвещенного солдата», которая решительно изменила тактику прусских войск и позволила относительно быстро разгромить

13 Paula Hyman. *The Jews of Modern France*. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 44–45, 94.

14 Martin P. Johnson. *The Dreyfuss Affair: Honour and Politics in the Belle Époque*. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 20–21. На вершине своей карьеры — и перед самым началом своего падения — Дрейфус сумел обойти бюрократические рогатки, препятствующие его назначению в Генеральный Штаб, куда он все же попал в чине капитана и без необходимости перехода в христианство. См. Jean-Denis Bredin. *The Affair: The Case of Alfred Dreyfus*. Transl. by Jerry Mehlman. New York: George Braziller, 1986. P. 19–22. См. новейшую ревизию дела Дрейфуса, предлагающую рассмотреть его в сугубо военном, а не политическом ключе: Robert Elliot Kaplan. «Making sense of the Rennes verdict»: the military dimension of the Dreyfus Affair // *Journal of Contemporary History*. No. 34 (4), 1999. P. 499–515.

15 Antonio Benitez Rojo. *Mujer en traje de la batalla*. Madrid: Alfaguara, 2001. P. 81–85.

16 Shlomo Simonson. «Teguvot ahadot shel yehudey italiya al 'ha-emantsipatsiya ha-rishonah» // *Italia judaica: gli ebrei in Italia dalla segregazione alla prima emancipazione: atti del III convegno internazionale*. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, 1989. P. 47–68.

17 Salvatore Foà. *Gli ebrei nel Risorgimento italiano*. Assisi; Roma: Carucci, 1978. P. 30–31, 51; Ilaria Pacan. *Il Comandante: la vita di Federico Jarach e la memoria di un'epoca, 1874–1951*. Milano: Proedi, 2001 — особенно P. 45–52; Alberto Rovighi. *I militari di origine ebraica nel primo secolo di vita dello stato italiano*. Roma: Stato maggiore dell'esercito, Ufficio storico, 1999. P. 14–15.

наполеоновскую армию. Пруссии, считал фон Шарнхорст, нужен был солдат нового образца — верноподданный и грамотный, служащий Богу, кайзеру и отечеству. Только «воспитание», по мысли немецкого военачальника, могло способствовать возникновению «думающего» солдата, ответственного и сознательного, способного на патриотическое самопожертвование, который и стал бы основой нового прусского правопорядка. Шарнхорст считал, что армия — настоящий социальный институт, способный мобилизовать общество и преобразовать его в новую социально-политическую иерархию: священную Прусскую империю¹⁸. Как и все остальное население Пруссии, евреи оказались частью шарнхорстского плана, соединившего в себе элементы просветительской идеологии, модернизации государственной системы и милитаризации общества.

Эдикт 1813 года обозначил новый этап в становлении еврейского равноправия, связав воедино новые еврейские гражданские свободы и исполнение евреями воинского долга. Намерение Фридриха Вильгельма III (будущего тестя Николая I) превратить всех евреев Пруссии в полезных государству подданных проявилось прежде всего в том, что он сразу освободил от выполнения патриотического долга всех еврейских промышленников, предпринимателей и торговцев Берлина, Бреслау и Потсдама. Как и в Австрии, никаких особых законов, касающихся военной службы евреев, не было издано — король самолично распорядился объявить о призыве евреев на службу. Устав еврейской воинской повинности был опубликован задним числом, в 1815 году, когда на службе в войсках уже состояло несколько сотен рядовых еврейского происхождения. Как и другие документы такого рода, эдикт о равноправии воспламенил еврейско-прусский патриотизм. Синагогальные советы в таких городах, как Бреслау, отметили первую годовщину эдикта специально организованным для еврейских рекрут застольем. В Силезии общинные деятели обратились к еврейским новобранцам с торжественными речами и проповедями, отметив «особую святость солдатской профессии» и провозгласив неизбежность грядущей войны во славу «кайзера и отечества». В Кенигсберге местный раввин призвал еврейских рекрут принести в жертву «кровь и имущество во славу отечества».

Кроме 170 евреев, попавших под набор после публикации Приказа N 16 об образовании в Пруссии егерских полков, еще 561 поступило в армию добровольцами и участвовало в кампании 1813–

1816 гг. Более 50 % еврейских новобранцев служило в пехоте, около 10 % — в кавалерии. Примечательно, что отношение солдат еврейского происхождения (731) к числу рядовых было большим, чем отношение еврейского населения к прусскому. По-видимости, произвел положительный эффект тот факт, что военная повинность и гражданское равноправие шли в связке; около половины первых прусских солдат еврейского происхождения было представлено к наградам, 40 из них получили различные выслуги по службе. В своем катехизисе 1814 года Херц Хомберг (Herz Homberg), один из наиболее радикальных сторонников еврейской религиозной реформы, проповедовал, что военная служба освобождает еврея от таких бы то ни было обязательств перед религиозной традицией и что нет выше долга, чем долг перед отечеством, даже если исполняя его, солдат нарушает иудейский закон¹⁹.

Евреев в прусской армии не допускали к офицерскому чину; согласно распоряжению Главного штаба, еврей не имел права командовать солдатами-христианами. (Любопытно, что российский Главный штаб пришел к такому же выводу и обосновал его теми же причинами). За исключением Мено Бурга (Meno Burg, 1789–1853), в Германии не было ни единого офицера еврейского происхождения вплоть до 1914 года. За свою отличную службу Бург пользовался расположением некоего высокопоставленного немецкого военачальника, который в 1832 г. выхлопотал для него капитанский чин по артиллерии. Бург, тем не менее, оставался белой вороной среди офицеров: для него даже была заказана униформа другой расцветки, чтобы не перепутать его с офицерами-христианами²⁰. И все же эмансипация, хоть и неполная, означала для евреев Пруссии нечто большее, чем офицерские погоны. Прусское военное командование не могло пожаловаться на недостаток рекрут еврейского происхождения, жаждущих воевать и умирать за свой немецкий фатерлянд. В 1827 г. регулярная армия насчитывала порядка 1346 солдат-евреев. Около 4700 солдат еврейского происхождения сражалось на полях франко-прусской войны 1870–1871 гг., 483 из них погибли или получили ранения. После 1880 года на одногодичную службу в армию ежегодно записывалось около 25000–30000 добровольцев-евреев. Эта цифра не включает в себя всех тех, кто был призван по набору. Около 1200–1500 евреев приняли крещение — ради того, чтобы сделать карьеру в армии²¹. Вальтер Ратенау (Walther

18 Charles Edward White. *The Enlightened Soldier: Scharnhorst and the Militärische Gesellschaft in Berlin, 1801–1815*. New York: Praeger, 1989. P. XII–IV, 56–86, 122–123. О влиянии идей Клаузевица и Шарнхорста на Николая I между прочим упоминает Карл Ван Дейк, см.: Carl Van Dyke. *Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914*. New York: Greenwood Press 1990. P. XIV.

19 Horst Fischer. *Judentum, Staat und Heer in Preussen im frühen 19. Jahrhundert: Zur Geschichte der staatlichen Judenpolitik*. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1968. P. 32–41.

20 Michael Meyer (ed.). *German-Jewish History in Modern Times*. 4 vols. New York: Columbia University Press, 1997. V. 3. P. 259–261. В связи с Мено Бургом см.: Fischer. *Judentum, Staat und Heer*. P. 127–130.

21 Ein Stück von uns: deutsche Juden in deutsche Armeen 1813–1976: e. Dokumentation. Mainz: v. Hase und Koehler, 1977. P. 27–28, 34–38.

Rathenau), впоследствии — министр финансов Веймарской Германии, вспоминал, что его особенно унизило положение «гражданина второго сорта», когда его не допустили к офицерскому чину и отправили в резерв в чине младшего капрала²². Около 30000 евреев, прошедших специальную офицерскую подготовку между 1885 и 1914 г., так и не получили офицерского звания. Однако во время Первой мировой войны прагматические соображения возобладали над идеологией, и германское военное министерство наконец согласилось предоставить евреям право получения офицерского чина. (Кстати, в России, где евреев также не допускали в офицерское сословие, евреям пришлось дожидаться крушения империи, чтобы им, наконец, была позволена выслуга по службе). В период Первой мировой евреи Германии продемонстрировали такой же патриотический порыв, как и их христианские соотечественники; 100000 евреев сражались в рядах германской армии между 1914 и 1918 г., 12000 из них погибли на фронте²³.

Таким образом, Австрия, Франция, Пруссия и Италия предложили своим евреям различные варианты интеграции, каждый из которых предполагал как введение элементарного равноправия, так и исполнение воинской повинности. В России причины распространения на евреев рекрутской повинности были во многом сходны с европейскими, и также были вдохновлены новым европейским утилитаризмом и просветительскими идеалами.

Еврейская реформа: русский вариант

Планы российской администрации распространить на евреев рекрутскую повинность восходят к той эпохе, когда западноевропейские державы вплотную занялись интеграцией в государство различных этнических меньшинств, в том числе евреев. Хотя Александр I и не был инициатором военной реформы, в Уставе 1804 года он признал за евреями статус-кво, подтверждающий их старые польские привилегии, учредил два Еврейских комитета — один в Варшаве, другой в Петербурге, назначил в них просветительски мыслящих польских и русских сановников и поручил им разработать проект радикальной еврейской реформы²⁴. К декабрю 1825 года оба комитета подготовили всю необходимую документацию, но тут

Александру случилось неожиданно умереть, восстали декабристы, в. кн. Константин отрекся и на трон взошел Николай I. Ознакомившись с бумагами, Николай взял план Еврейского комитета за основу и воплотил его в жизнь, опираясь на свои собственные принципы и следуя своим личным приоритетам. С точки зрения еврейской политики Николай продолжил своего предшественника, дав дальнейший ход разработанным ранее предложениям. Чтобы понять роль Николая в окончательном решении вопроса о конскрипции евреев России, необходимо вернуться к тому моменту, когда созданный Александром Еврейский комитет в Варшаве принялся за разработку радикальной еврейской реформы.

В 1815 г. прекратило свое существование основанное Наполеоном Бонапартом Герцогство Варшавское. Согласно решению Венского конгресса, новоучрежденное Царство Польское преобразовывалось в конституционную монархию, объединенную с Российской империей в персональную унию. Александр назначил своего брата Константина польским вице-королем, который, кроме всего прочего, принимал на себя командование стратегически важными армиями Царства Польского и Литовским корпусом. Эти политические перемены привели к тому, что администрация Царства Польского принялась продвигать еврейскую реформу в ускоренном темпе, причем с существенным отличием от того, как еврейская реформа в дальнейшем развивалась в России, в первую очередь в том, что касалось военной службы.

Следуя рекомендациям Александра I, члены варшавского Еврейского комитета, более решительно настроенные на реформу, чем их коллеги в Петербурге, предложили два первых пункта в качестве приоритетов будущей реформы: учредить государственные еврейские школы с элементами светского образования и раввинские семинарии для подготовки школьных учителей. Введение воинской повинности варшавский еврейский комитет считал маловажной частью реформы. Военная комиссия (*Komisja Rządowa Wojsny*), своего рода военное министерство Царства Польского, утверждала, что военная служба — одновременно долг и почетная привилегия (*zaszczytny przywilej*) жителей Царства. Бесспорно, польским евреям будут дарованы равные со всеми права; но чтобы их заслужить, евреи обязаны были отслужить десять лет в армии, причем они не имели права пользоваться отсрочкой (скажем, по причине ранней женитьбы). Отсрочки и освобождение от службы предоставлялись только одному раввину и одному кантору от каждой общины. Дабы предотвратить уклонения от службы, комиссия решила, что призванного еврея может заменить только другой новобранец еврейского же происхождения.

Тем не менее, варшавская комиссия приняла решение исключить евреев из рекрутского призыва. Наполеоновские войны подорвали экономику — поэтому, полагали члены комиссии, Царство Поль-

22 Amos Elon. The Pity of it All: A History of Jews in Germany, 1743–1933. New York: Henry Holt, 2002. P. 234.

23 Israel Schwiertz. Für das Vaterland starben: Denkmäler und Gedenktafeln für jüdische Soldaten in Thüringen: Dokumentation. Aschaffenburg / Main: Krem-Bardischewski, 1996. P. 18.

24 Artur Eisenbach. Z Dziejów ludności żydowskiej w Polsce w XVIII i XIX wieku. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. P. 168–170.

ское просто не могло себе позволить введение рекрутской повинности для евреев. Если евреи будут служить в армии, их пришлось бы освободить от государственных налогов, в результате чего казна потеряла бы около 700 000 злотых — роскошь, которую власти не могли себе позволить. Кроме того, учитывая общий вес польского еврейского населения, комиссия сочла рискованным мероприятием доверять евреям оружие. Вполне вероятно, что члены комиссии припомнили евреям, как те присоединились к бунтующим полякам во время восстания Костюшко перед Третьим разделом Польши, как и то, что евреи всячески поддерживали Наполеона во время его пребывания в Польше²⁵. Кроме того, члены военной комиссии оставались при подозрении, что идея распространения на евреев военной повинности была предложена просветительски мыслящими варшавскими евреями, которые ставили себе за цель вдохновить евреев романтическими идеалами столь опасного польского патриотизма²⁶. Отрицательные последствия немедленного введения воинской службы для евреев в новоприсоединенной имперской окраине были слишком очевидны. Поэтому комиссия приняла решение освободить евреев от несения службы — льгота, за которую евреи должны были платить ежегодно 600 000 злотых, а варшавская еврейская община — дополнительные 700 000 злотых.

Некоторые патриотически настроенные евреи — члены комиссии — пытались протестовать, в то время как более осторожные из них — общинные ходатаи, близкие ко двору Константина, такие как Абрам Блументаль (Avraam Blumenthal) и Мейер Диамант (Mayer Diamant) из Кракова, рабби Гизель Маркуш (Gizel Markusz) из Плоцка и рабби Берек (Berek) из Люблина, ничтоже сумняшеся поставили свои подписи под протоколом военной комиссии. Александр I одобрил это решение, и 19 апреля 1817 года распорядился, пусть евреи выплачивают указанную сумму и не призываются в армию²⁷. Скорей всего Александра на тот момент устраива-

ло, что еврейское законодательство Польши совпадало с законами, принятыми в Российской империи, поскольку на тот момент еврей черты оседлости также платили выкуп (500 рублей за рекрута) и были освобождены от несения службы.

Еврейская реформа в Царстве Польском пошла по пути, принципиально отличному от российского. Константин был куда более последователен в своем отношении к еврейской реформе, чем Александр. В самом начале 1820-х годов он энергично принялся вводить элементы еврейского гражданского равноправия. Он отменил кагалы, которые считал пережитком средневековья, переподчинил евреев городским советам и учредил синагогальные наблюдательные комитеты (*dozor bóżniczy*), управляющие общинными делами и находящиеся в государственном подчинении²⁸. За этими нововведениями последовала образовательная реформа: варшавский Еврейский комитет предложил немедленно основать раввинистические семинарии, чтобы в них готовить нового типа раввинов, готовых верой и правдой служить «Богу, монарху и народу». В своем докладе 1825 года члены комитета, включавшего католиков-поляков Игнация Залеского (Ignacy Zaleski), Валериана Красиньского (Walerian Krasiński), Стефана Витвицкого (Stefan Witwicki), Яна Ивашкевича (Jan Iwaszkiewicz), Юзефа Ковнацкого (Józef Kownacki) и новообращенного христианина из евреев Станислава Хоре (Stanisław Hoge), уделили несколько больше внимания военной повинности, переместив соответствующий параграф с 26-го на одно из пяти первых мест, уступающее по важности только нововведениям в области образования.

Рассуждения членов комитета, зафиксированные по-французски, повторяли общие места просветительской риторики. Идея еврейского «перерождения», столь часто звучавшая на заседаниях революционного Национального собрания 1790-х, угадывалась за каждым пунктом предложенной программы, хотя члены комитета, вероятно, чтобы избежать прямых революционных параллелей, так и не положили ее на бумагу. Позаимствовав из французской просветительской терминологии, члены комитета сочли воинскую повинность вполне полезным начинанием. В армии, полагали они, неуправляемый, взбалмошный, нечистоплотный и враждебно настроенный к христианским собратьям еврей превратится в индивида, «привычного к поддержанию порядка, чистоты, и товарищеских отношений». Любой еврей, прошедший военную службу, раз и навсегда излечится от всех «социальных зол, столь характерных для его народности». Он уже никогда не вернется к типично изоляционистским привычкам своего прошлого. Армия, кроме всего прочего, научит еврея таким понятиям, как честь, любовь к родине, уважение к согражданам, что послужит в конечном счете на пользу гражданской, фи-

25 После падения Варшавы генерал Алексей Ермолов писал, что евреи отчаянно защищали Прагу — еврейский пригород польской столицы. См.: Русские люди о евреях. СПб.: А. М. Вольф, 1891. С. 34.

26 Arthur Eisenbach. Kwestia równouprawnienia Żydów w Królestwie Polskim. Warsaw: Książka i Wiedza, 1972. P. 79, 80, 83, 84. О патриотическом настрое варшавских евреев см.: Jacob Shatzky. Di geshikhte fun yidn in Varshe. New York: YIVO, 1947. P. 177–181.

27 Среди 28 пунктов реформы военная повинность стоит на 26-м месте. См.: Archiwum Główny Akt dawnych (далее — AGAD), zb. I. Rada Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 285 (Rapport z czynności Komitetu wyznaczonego do zaprowadzenia reformy Ludu Starozakonnego), 53–73; AGAD, zb. I. Rada Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 387 (Przepisy względem zasiągu do Wojska czyli Konskrypcja, 1816), ll. 2–3, 8, 18–19, 95–105; AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 700 (О рекрутской повинности евреев, в Царстве Польском обитающих), 3–5, 10, 15–16; AGAD, zb. Secretariat Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 199, ll. 64–79. Также см.: РГИА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 142.

28 AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 626, ll. 2, 9, 25–32, 70, 91.

зической и моральной реформы евреев. Христиане также осознают полезность еврейской воинской службы, особенно когда они увидят, что еврей может стать исполнительным солдатом, ни в чем не уступающим солдату-христианину. Разумеется, успех предлагаемой реформы зависел от того, насколько будут уравнены по службе и выслугам еврейские и христианские солдаты. В конечном счете, члены комитета заявили, что евреи окажутся примерными учениками в армии, «этой подлинной школе цивилизации и реформы»²⁹.

Решения петербургского Еврейского комитета наследовали варшавскому. Чтобы разработать свою собственную еврейскую реформу, члены комитета, состоявшего из Якова Дружинина, Петра Кайсарова, Максима Фон-Фока и Григория Карташевского, обратились к своим варшавским коллегам с просьбой поделиться планами, соображениями и данными по еврейскому населению. Приложенный к их письму вопросник свидетельствовал, что петербургские сановники имели весьма туманное представление о внутриобщинной организации русских евреев — куда более приблизительное, чем их варшавские коллеги. Из Варшавы пришел детальный ответ, разъяснявший необходимость отмены кагала и введения образовательной реформы. Выслушав советы членов Петербургского Еврейского комитета, Александр не решился вводить аналогичные реформы в черте оседлости. В свою очередь в. кн. Константин огорчился, что разработки его подопечного комитета не пошли в работу; он как раз настаивал на необходимости привести в соответствие законодательство о евреях России и Царства Польского — прежде всего в том, что касалось реформы. В противном случае, резонно заметил Константин, все те, кто противился реформе, могли переселиться из одной части империи в другую (из Царства Польского в пределы черты оседлости), избежав, таким нехитрым способом, положительного влияния государственных нововведений.

Константин вел непрерывные переговоры с Александром до 1825 года и с Николаем после, пытаясь убедить своих собеседников в необходимости унифицировать меры, направленные на аккультурацию и интеграцию еврейского населения. Следуя его совету, 15 июня 1826 года Николай обратился к Константину с просьбой помочь установить рабочие контакты между двумя столичными еврейскими комитетами — и объединить их усилия. Пока члены двух комитетов обменивались мнениями о структуре еврейских общин

29 Варшавский еврейский комитет предложил две уступки: евреи призывались пропорционально к своей доле в общем населении и проходили шестилетнюю, а не десятилетнюю, как христиане, службу. См.: AGAD, zb. Secretariat Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 199, ll. 71-71ob., 139-143ob., 146b-148ob. См. более ранний вариант реформы, разработанный, по-видимости, непосредственно великим князем Константином: AGAD, Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 700 (О рекрутской повинности евреев, в Царстве Польском обитающих), ll. 50-76.

и деятельности вредных еврейских сект (в первую очередь «хасидической» — то есть хасидов), Николай получил проект реформы и решил начать ее с введения рекрутчины³⁰. Он обратился к своему Еврейскому комитету с предложением незамедлительно разработать проект устава о рекрутской повинности евреев, приняв во внимание прежде разработанные в Варшаве документы. Как только проект был составлен, Николай послал его Константину на одобрение.

Развернувшиеся сразу после этого обсуждение и переписка привели к парадоксальному результату. Несмотря на усилия по унификации еврейского законодательства в России и Польше, государственная администрация, следуя распоряжениям Николая, объявила о введении рекрутчины в России, но предпочла отказаться от этой меры в отношении польских евреев. Кроме всяческого рода ухищрений, к которым прибегали ходатаи от еврейских общин, чтобы предотвратить введение рекрутчины, только один человек самолично несет ответственность за спасение евреев Польши от николаевской рекрутчины. Его звали Николай Николаевич Новосильцев. Посланный Александра и Николая, наделенный неограниченными полномочиями и властью, тайный советник Новосильцев был вторым человеком в польской администрации и уступал по степени влияния только в. кн. Константину. Новосильцев был сенатором и главой своей собственной канцелярии, заменявшей несколько министерств вместе взятых. Он был организатором и вдохновителем секретной — гражданской и военной — полиции в Царстве Польском. Он также был членом всевозможных польских законодательных комитетов и серым кардиналом при дворе Константина³¹. Кроме всего прочего, как член Еврейского комитета он считался непревзойденным придворным экспертом по еврейским вопросам. Его реформистские устремления, одобренные, если верить некоторым польским источникам, изрядными еврейскими пожертвованиями в его личный карман, преследовали введение полного еврейского гражданского равноправия³². И хотя Константин установил тайное наблюдение за деятельностью своего главного помощника, в большинстве случаев он ему доверял, посвящал его во все государственные планы и не принимал ни одного закона без его одобрения³³. Когда в апреле 1826 года главнокомандую-

30 AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 938 (Настольная книга, 1826), l. 373; *ibid.*, sygn. 939 (Настольная книга, 1827), l. 509; AGAD, zb. Secretariat Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 199, ll. 71-71ob., 139-139ob.

31 Franciszka Ramotowska. Kancelaria senatora Nowosilcowa // Archiwum Głównego Act Dawnych. Przewodnik po zasobie. 2 vols. Warszawa: DiG, 1998. V. 2. P. 76-83.

32 О предложениях Новосильцева по еврейской реформе, см.: Джон Клир. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России. М., Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2000. С. 273, 295, 299, 303-305.

33 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. XX. Т. 1 (Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Записки статс-секретаря

щий польскими войсками предложил в докладе Константину ввести воинскую повинность для евреев, Константин нашел мысль «полезной», поскольку, с его точки зрения, евреи в целом представляли собой вредный для христианского общества элемент. Но чтобы избежать непредвиденных сложностей и принять четкое решение об отсрочках и льготах, он предложил Еврейскому комитету разобраться со всем этим и послал Новосильцеву предложение о введении рекрутской повинности для евреев, полученное из Петербурга³⁴.

Новосильцев ответил детальной, хорошо продуманной, взвешенной и убийственной критикой предложенного проекта. Несколько обстоятельств вызвало его тревогу, причем все его опасения с лихвой подтвердились сразу же после введения еврейской рекрутчины в России. Новосильцев указал, что авторы предложенного проекта перепутали общинные, политические и географические параметры. Он даже брался предсказать, что эта путаница внесет полную неразбериху в еврейскую среду во время набора — и приведет к значительным злоупотреблениям со стороны местных властей. Новосильцев также подверг сомнению всю ту документацию, которая была положена в основу рекрутского набора — еврей, утверждал он, не имели соответствующих метрических книг и потому были не в состоянии предоставить военной администрации мало-мальски аккуратные рекрутские списки. По Новосильцеву, некоторые пункты указа вообще не имели смысла — скажем, параграф, запрещавший квартировать еврейских новобранцев вблизи еврейских поселений. В большинстве польских городов, отметил он, больше еврейского, чем христианского населения; но квартировать новобранцев среди крестьян представлялось еще менее разумным, так как в этом случае евреи оказывались без кошерной посуды и без доступа к кошерной пище — это означало, что новобранцы попросту будут голодать. Новосильцев призвал в помощь еврейскую статистику, отметив, что в Польше на ту пору насчитывалось приблизительно 15000 евреев, подпадавших под призыв, и еще 50000 — в Вильне. Контролировать столь «многочисленные скопища» во время набора представлялось ему решительно невозможным. Стечение огромного числа евреев, военных, представителей местной власти, при неспособности центральных и местных властей устранить самоуправство, было чревато возмущением, которое администрация была бы неспособна урезонить.

Именно поэтому Новосильцев рекомендовал отвергнуть предложенный проект, введя вместо него единые правила управления ев-

барона Корфа). Л. 89 об. Кроме всего прочего, на Новосильцева была возложена обязанность разработать проект конституционной реформы в России. См.: David Saunders. *Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881*. London and New York: Longman, 1992. P. 71.

34 AGAD, Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 626 (О еврейских кагалах и школах в Царстве Польском, 1824–1826), л. 263.

рейскими общинами России и Царства Польского. Совершенно очевидно, что предложив унифицировать законодательство и отказаться от рекрутчины, Новосильцев пытался, кроме всего прочего, еще и повлиять через Константина на решения по еврейской реформе, принимаемые в Петербурге. Новосильцев подытожил: введение воинской повинности для евреев требует сбора более обширных и точных данных о внутреннем и внешнем положении еврейских обществ; власти должны глубже знать и лучше представлять себе, с какими проблемами они могут столкнуться при проведении в жизнь еврейской реформы; предложенный документ не отражает специфики отношений администрации Царства Польского и евреев; наконец, предложенный проект не соответствует той искренней заботе, которую его высочество в. кн. Константин проявляет в отношении своих евреев³⁵.

Трудно представить себе, что вызвало появление на свет этого документа: был ли он результатом новосильцевского скептически-рационалистического взгляда на вещи, или же не обошлось без своекорыстного еврейского вмешательства, или сыграло роль и то, и другое обстоятельство, — важно одно: ответ Новосильцева сработал. Константин не прислушался к рекомендациям Николая. Его решение не привлекать евреев Польши к отбыванию воинской повинности имело важные последствия. Николай ввел воинскую повинность для евреев Царства Польского только шестнадцать лет спустя, в 1843 г. К этому времени он успешно справился с польским восстанием 1830–1831 гг., лишил Польшу конституции и уничтожил последние рудименты польской независимости, окончательно подмяв Царство Польское под Российскую империю. В 1843 г. Николай был уверен: служба в русской армии способствует интеграции польских евреев в российскую государственную систему, значительно ослабит романтически-революционный польско-еврейский альянс и усилит русификацию западных окраин империи. Введение рекрутчины в Польше совпало, кроме всего прочего, с началом широкомасштабной реформы евреев Российской империи³⁶. Но в 1827 г. Николай предпочел не ссориться с братом — хотя у себя дома он распорядился поступить совсем иначе.

Николаевские приоритеты

Итак, зимой 1826 года Николаю на стол легла увесистая папка с предложениями по еврейской реформе. Просмотрев ее, он поменял места пункты, предложенные варшавским и петербургским еврейскими комитетами. Вначале он ввел в Российской империи рекрутчину, затем учредил т. н. «разбор» — классификацию евреев на полезных и бесполезных, после этого отменил кагал и приказал основать го-

35 AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 626, ll. 264–289.

36 Eisenbach. *Kwestia rownouprawnienia Żydów*. P. 79–84.

сударственные школы для еврейских детей, и, наконец, распорядился об учреждении раввинских семинарий. Начав в середине 1820-х с рекрутчины, Николай отложил все остальные реформы на 1840-е. Хотя историки связывают такое решение с давней николаевской привязанностью к военным парадам и муштре, на самом деле николаевский милитаристский пафос может иметь и более глубокие корни.

Будучи ребенком, в. кн. Николай (воспитывавшийся вместе со своим братом в. кн. Михаилом) предпочитал всем имевшимся у него игрушкам солдатиков. Проснувшись утром, он прыгал с кровати и садился играть в своих оловянных и фарфоровых солдатиков, строил фортификации и атаковал неприятельские войска. Порой он планировал сражения и маневры, используя в качестве полков и армий цветные прямоугольные и квадратные костяные фишки (2 см на 3 см), на которых было выведено пером: «пехота», «кавалерия», «артиллерия». В детстве Николай обожал военную униформу: в 1801 году его гарбероб насчитывал шестнадцать мундирчиков Измайловского и Кавалергардского полка. В его распоряжении также было две дюжины серебряных звезд Св. Андрея: то были награды из фольги за ранние военные победы Николая³⁷. Вдовствующая императрица Мария Федоровна пыталась отвлечь великих князей от военных игр, но приставленные к ним воспитатели только пуще разогрели своими рассказами николаевское воображение и мечты об армии и военных кампаниях. Генерал Матвей Ламздорф, начальник первого кадетского корпуса, был строгим и жестокосердым наставником. Впрочем, ему удалось внушить Николаю понятие о дисциплине. Другой наставник, генерал-майор Ахвердов — Николай обожал его — учил великого князя рисовать, защищать и атаковать крепостные сооружения. Николай рисовал непрерывно, проявив в этом занятии недюжинный талант: из-под его карандаша выходили тщательно отретушированные и детально прорисованные солдаты, военная униформа, военные карты, амуниция, инженерные сооружения и фортификации³⁸.

Подавить военные пристрастия великого князя представлялось пустым делом. В 1810 г., четырнадцати лет от роду, он заявил: «Арсенал есть место, которое из всех здесь более люблю»³⁹. Записи

37 См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 466 (Граф М. А. Корф. Рождение и детство императора Николая I).

38 Порой николаевская любовь к униформе не знала границ: в двадцатилетнем возрасте Николай нарисовал свою жену, одетую в обтягивающий ее до неприличия кавалергардский мундир. См. собрание николаевских эстампов, акварелей и рисунков: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1314 (Рисунки в. кн. Николая Павловича). Л. 2, 4, 6. Некоторые из них воспроизведены в кн.: Урок рисования. Каталог выставки. СПб., 2006. С. VII.

39 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722. Т. 5 (Упражнения в. кн. Николая Павловича в переводах и сочинениях на русском языке, с отметками императрицы Марии Федоровны, 1810). Л. 13.

Зимнего Дворца фиксируют такой случай: по распоряжению императрицы-матери, Ахвердов однажды задал Николаю написать сочинение на тему «Военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другие занятия для него столько же почтенны и полезны». Николай провел полтора часа обдумывая тему, но так ничего и не написал. Ахвердову пришлось продиктовать своему подопечному весь текст, о чем он и пожаловался императрице⁴⁰. Похоже, армия и только армия вдохновляла юного Николая. Хотя Мария Федоровна не позволила Николаю и Михаилу поехать к войскам во время кампании 1812–13 гг. (несмотря на их слезные просьбы), военная слава Наполеона Бонапарта вынудила ее пригласить к Николаю двух профессиональных военных учителей — генерала Оппермана и полковника артиллерии Маркевича, чтобы наставлять великих князей в милитаристском духе эпохи⁴¹. Под их руководством и сформировались военные пристрастия юного Николая.

На уроках истории Николай, наконец, нашёл себе образец для подражания — Петра Первого. В своих сочинениях по истории государства российского Николай обошел молчанием все великие «дела Петровы» — Санкт-Петербург, первую русскую газету, Кунтскамеру, Сенат, западного образца гражданское платье, образование дворянства. Вместо этого Николай возвеличил Петра как выдающегося реформатора армии и флота. Петр для него был мудрым стратегом, который увеличил численность армии, модернизировал рекрутский набор и основал русский флот. Николай был в полном восторге от того, как Петр сумел превратить свои «потешные» полки в основу основ регулярной армии. Похоже, Николай был движим тайной мечтой: стать таким, как Петр, в первую очередь — в военном деле. Николай всерьез занялся штудиями; он вполне преуспел в военной стратегии, которую ему преподавал Опперман, и в военном переводе, в котором он совершенствовался под руководством Маркевича⁴². Среди вещей, особо ценимых в принципе

40 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 466 (Граф М. А. Корф. Рождение и детство императора Николая I). Л. 79 об. См. также трогательные записки Николая к Ахвердову с просьбой простить его за упрямство во время уроков, ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 709 (между 1803 и 1805). Об этом эпизоде упоминается также в кн.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб.: А. С. Суворин, 1903. Т. 1. С. 37.

41 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. 1. Т. 1 (Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Записки статс-секретаря барона Корфа). Л. 31 об.-33, 38, 41–41 об., 42, 46, 55, 75, 77 об., 80 об., 93 об., 106 об.

42 Николай изучал виды войн, военные маневры, теорию наступления и атаки, структуру и состав русских армейских полков, способы изгнания Турции из Европы. Последний пункт был в числе наиболее важных и в планах Петра Великого. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1039 (Собственноручные записки в. кн. Николая Павловича по части тактики и стратегии). Л. 28–32, 33–56; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 839 (Учебные записки Николая по форти-

глубоко аскетичным Николаем, были карманные часы — наследие Петра. Как и Петр, Николай уделял особое внимание изучению инженерного дела и фортификации. Свою любовь к отечеству Николай сформулировал едва ли не в тех же словах, что и Петр, причем с акцентом на армии, патриотизме и солдатском самоотречении. Вероятно, движимый прусскими предпочтениями, столь характерными и для Петра, Николай вознамерился перевести с немецкого трактат о Семилетней войне и выдержки из трактатов о морали, по которым учили в прусской военной академии⁴³. Уже будучи российским императором, он нередко повторял свою любимую присказку, за которой легко угадывается петровский энтузиазм: «Я до ленивых не охотник!»⁴⁴ Когда в 1840-х Николай оставил свои роскошные покои и перебрался в маленькую аскетическую комнатку на верхотуре Зимнего Дворца, он забрал с собой своих раскрашенных фарфоровых солдатиков, два батальных полотна и большой портрет Петра Великого⁴⁵.

Николай учился управлять державой задолго до того, как он унаследовал трон, тем не менее, по-настоящему его волновала только военная реформа. Поняв, что армия поглощает значительную долю государственного бюджета, в своем эссе «Мнение об приведении армии на такую ногу, чтобы не уменьшая значительно наличного числа войска, уменьшить издержки на содержание его и дать способ скорого усиления» 1824 года он предложил разом решить финансовые проблемы армии и государства⁴⁶. В этом сочинении Николай представлял себе армию неким невнятным образованием, который он, Николай, способен решительно реорганизовать. Он высмеял всех тех, кто полагал, будто бы миллионная русская армия была непомерной обузой тридцатипятимиллионному (как Николай полагал) народу. И все же, утверждал он, в армии было слишком много командиров высшего ранга и слишком мало офицеров среднего

фикации и стратегии, 1810–1815). Л. 92–95, 182–185. Опперман горячо хвалил феноменальную память Николая и его способность четко и ясно рассуждать на военные темы. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 921а (Беседы с в. кн. Николаем Павловичем по поводу изучения военных наук. Рапорты генерал-лейтенанта Ахвердова и полковника Маркевича о занятиях в. кн. Николая и Михаила Павловичей по истории и военному делу, 1816). Л. 19.

43 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722 (Упражнения в. кн. Николая Павловича в переводах и сочинениях на русском языке, с отметками императрицы Марии Федоровны, 1810–1811). Т. 6. См. тетрадки с николаевскими переводами: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 893 (Сочинения в. кн. Николая Павловича по истории, русской словесности, истории войн и др., 1812–1814). Л. 133.

44 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. XX. Т. 1 (Материалы и черты к биографии. Записки статс-секретаря барона Корфа, 1826–1838). Л. 10.

45 Батальные полотна принадлежали кисти Ладурне и Крюгера. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. XX. Т. 3 (Материалы и черты к биографии. Записки статс-секретаря барона Корфа, 1839–1840). Л. 20–21.

46 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1184. Л. 19–20 об.

и нижнего рангов. Чтобы решить эту проблему, Николай предлагал своего рода демократизацию управления войсками. Прежде всего следовало уменьшить до трех число генералов армии, находящихся при дивизиях, а штабс-офицеров при пехотных полках — до двух. Артиллерия могла обойтись одним генералом на бригаду. Николай также планировал основать институт офицеров запаса, предложенный и воплощенный в жизнь лишь сорок лет спустя военным министром Дмитрием Милутиным. Николай полагал, что офицеры могут увольняться с должности, но не со службы: в случае мобилизации они могли быть снова призваны в войска. Наконец, вместо того, чтобы тратить время на ежедневное обучение солдат, штаб-офицеры и офицеры нижнего ранга обязаны были изучать стратегию и тактику, в то время как старшие солдаты занялись бы обучением новобранцев. Наконец, Николай предложил уменьшить число эскадронов в кавалерийском полку с семи до пяти, мера, как он полагал, придающая кавалерии большую маневренность. Сократив около 7000 личного состава и около 3000 лошадей в мирное время Николай рассчитывал сэкономить военному бюджету 34894000 рублей. Кроме того, несмотря на свое преклонение перед униформой и парад-шагистикой, Николай твердо намеревался обучать солдат дисциплине и способам управления войск во время походов. С этой целью он поручил барону Корфу разработать план обучения нижних чинов, который он сам впоследствии одобрил в качестве проекта устава гарнизонной и полковой службы⁴⁷.

Николаевское преклонение перед военным порядком еще более усилилось после его женитьбы на принцессе прусской; теперь Фридрих-Вильгельм III стал его тестем. Как отметил американский историк, «женитьба Николая на дочери прусского короля в 1817 году сблизила его с европейской династией, чьи военные традиции максимально походили на военные традиции дома Романовых»⁴⁸. В начале 1820-х Фридрих-Вильгельм регулярно переписывался с Николаем по-французски и немецки (публикация этой переписки во многом бы украсила историю военной науки). В своих письмах Фридрих Вильгельм в детях описывал военные парады, делился своим видением польской армии и управления польскими войсками; размышлял об организации и управлении войск; лестно отзывался о дружбе прусских и русских солдат; обсуждал политиче-

47 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2337 (Об обучении русского солдата). Л. 2–9 об.

48 David Saunders. *Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881*. London and New York: Longman, 1992. P. 116; Richard Wortman. *National Narratives in the Representation of Nineteenth-Century Russian Monarchy // Extending the Borders of Russian History: Essays in Honor of Alfred Rieber*, ed. by Marsha Siefert. Budapest and New York: Central European University Press, 2003. P. 54. По видимости, прусский милитаризм также вдохновил Николая, всегда полагавшего, что жизнь это своего рода служба. См.: Шильдер Н. К., Император Николай Первый. Т. 1. С. 147.

ские амбиции Оттоманской Порты и идущую от нее военную угрозу; одобрительно реагировал на сообщения о нововведениях в российской армии и на реляции с русско-турецкого фронта; похвально отзывался о храбрости николаевской армии; и даже обменивался с Николаем военной униформой⁴⁹.

Воспитание Николая и его прочные семейные связи с Пруссией способствовали формированию у него обостренного чувства законности и законопослушания. Стоило впоследствии кому-нибудь из его ближайших советников обратиться к нему с просьбой пересмотреть дело и «сделать исключение», Николай возмущался: «Закон должен быть один»; «Никому не позволено делать изъятия из закона»; наконец, «Следуйте букве закона!» Именно законопослушание, порядок и дисциплина прусского образца, три столпа Николаевского воспитания, заставили его в свое время отказаться от французских *liberté* и *fraternité* — свободы и братства — понятий, которые с его точки зрения (см. его эссе «О свободе»), привели Францию к беззаконию, власти толпы и падению⁵⁰.

Николай терпеть не мог всего того, что противоречило его видению дисциплины, порядка и послушания. Поляки и евреи проходили в записях Николая как вредные и неуправляемые жители империи, хотя он полагал, что воспитанию они поддаются. Неприятие поляков Николай унаследовал от своей бонны г-жи Лайон, которая часто рассказывала ему жуткие истории о злодеяниях, чинимых разбойником Костюшко и его подопечными в Варшаве 1794 года, и о блистательной виктории русских под командованием фельдмаршала Суворова⁵¹. Что касается евреев, в одном из своих самых первых сочинений по русской этнографии Николай отметил, что «жидов много в губерниях, возвращенных от Польши; живут они торговлей и промышленностью»⁵². А поскольку под «промышленностью» анти-меркантилистски мыслящий Николай имел в виду финансовые махинации, а не ремесленничество, евреев он считал манипуляторами, людьми в лучшем случае бесполезными, подозрительными и бесчестными. Его религиозное образование обострило эту антипатию. Николай внимательно вчитывался в обстоятельные записки Государ-

ственного совета, поясняющие, почему в России, в отличие от стран Запада, евреям не могут быть предоставлены равные со всеми права. Авторы записок утверждали, что в России сия мера была невозможна, ибо русское правительство и народ не столь безразличны к вопросам веры, как европейцы. Николай начертил на полях возле этих слов: «Слава Богу», и подчеркнул ремарку⁵³.

По всей вероятности, даже древние израильтяне — исаэлиты, как их именовали просвещенные монархи — не вдохновляли Николая. Хотя в большинстве случаев ежедневные дневниковые записи его учителей ставили ему в заслугу внимательность и прилежность, урок 1807 года по Ветхому Завету оказался не по вкусу Николаю: его учитель отметил, что великий князь вел себя дурно и был не особо внимателен⁵⁴. Евреи, как и поляки, в их нынешнем состоянии были, с точки зрения Николая, совершенно бесполезны для империи. Когда он путешествовал по России, он прилежно записывал в своем дневнике все, что рассказывала ему его свита; вместе с тем, как отметили впоследствии его наставники, чуть ли не единственный раз он проявил самостоятельность, размышляя о поляках и евреях: «В Белоруссии дворянство, состоящее почти все из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России, и, кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян, все прочие присягнули Наполеону. Крестьяне их почти все на тяжелом оброке и весьма бедны, притом, общая гибель крестьян сих провинций, жиды здесь совершенно вторые владельцы, они промыслами своими изнуряют до крайности несчастный народ. Они здесь все — и купцы, и подрядчики, и содержатели шинков, мельниц, перевозов, ремесленники и проч., и так умеют притеснять и обманывать простой народ, что берут даже в залог не засеянный яровой хлеб и ожидаемую не засеянную жатву; они настоящие пиявицы, всюду всасывающиеся и совершенно истощающие несчастные сии губернии. Удивительно, что они в 1812 году отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью жизни».⁵⁵

Это наблюдение интересно по ряду обстоятельств. Николай связывает воедино зажиточных поляков и промышленящих (в негативном смысле) евреев, противопоставляя им бедное русское крестьянство. Он отмечает, что поляки испорчены политически, а евреи эко-

49 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1019 (Письма короля Прусского Фридриха Вильгельма III великому князю (впоследствии императору) Николаю Павловичу, 1816–1840). Л. 26–26 об., 28, 30–31, 42, 46, 47, 55–56, 79–80, 86–86 об.

50 О николаевском отношении к Франции, см.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 823. Т. 4 (Занятия в. кн. Николая Павловича. История Франции (на французском языке) с отметками Марии Федоровны). Л. 60–70; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 893. Т. 1 (Сочинения в. кн. Николая Павловича по истории, русской словесности, истоии войн и др.). Л. 65–66.

51 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. 1. Т. 1 (Материалы и черты к биографии). Л. 18 об.

52 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722. Т. 8 (Еженедельные отчеты в. кн. Николая Павловича о своих занятиях, 1810–1811). Л. 38.

53 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. II. Т. II (Материалы и черты к биографии. Государственный совет, 1831–1840). Л. 43–44 об., 47, 62–63.

54 Урок по ветхому Завету был посвящен Зерубавелю и евреям, которые предпочли остаться в Вавилонии после того, как им дано было разрешение переселиться (после Вавилонского плена) в Землю Израиля. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722 (Упражнения в. кн. Николая Павловича в сочинениях и переводах..., 1810–1811).

55 Барон Корф считал эту мысль целиком принадлежащей Николаю. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. I. Т. 1 (Материалы и черты к биографии). Л. 118 об. Цитата из: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Т. 1. С. 68.

номически. И он никак не объясняет, почему евреи западных губерний настроены патриотически и про-русийски. Но эта последняя мысль еще сыграет свою роль в его решениях.

Итак, не только его якобы врожденный милитаризм сцементировал Николаевские предпочтения. Важно также учесть николаевское преклонение перед прусским порядком, просветительское уважение к законности и приверженность идеалам Петра Первого. Как только великий князь Николай Павлович сделался императором Николаем I и как только с декабристским восстанием было покончено, Николай обратил свою реформаторскую энергию на евреев (и поляков), этих предприимчивых паразитов. Теперь он вознамерился преобразить свою империю в хорошо темперированное государство, основанное на порядке, унифицированном законодательстве и прусских военных ценностях. Николай, возможно, соглашался с мнением варшавского Еврейского комитета, согласно которому армия была отличной школой законопослушания, в которой евреи научатся порядку, верноподданному отношению к государю, законопослушанию и цивилизации. Как напоминает нам Андреас Каппелер, в Российской империи «важнейшими элементами ее легитимации и организации были правитель и династия, сословный характер общества и имперское мышление»⁵⁶. В этом смысле к 1820-м годам евреи уже стали частью сословной системы, а во время наполеоновского нашествия доказали свою верность правителю. Для окончательной «легитимации» им недоставало одного: имперского мышления. Научить евреев мыслить имперски — именно такую задачу ставил себе Николай, распространяя на евреев рекрутский набор. Теперь еврейскому комитету оставалось только взвесить все за и против и разработать указ и устав.

Заключительные соображения

Историки неоднократно пытались восстановить повестку дня николаевского Еврейского комитета в 1820-е годы. До сих пор им приходилось довольствоваться гипотетическими рассуждениями, так как архив петербургского Еврейского комитета сгорел в 1862 году, а вместе с ним и протоколы заседаний. И все же, в дополнение к чудом сохранившимся варшавским документам, проливающим свет на взаимоотношения двух еврейских комитетов, архивы сохранили так называемые мемории — лаконичные отчеты о заседаниях коми-

тета, которые Николай самым внимательным образом просматривал. Несколько страниц этих меморий — слишком кратких, чтобы составить подробное представление, но достаточных для реконструкции общих черт картины — позволяют заглянуть в зал заседаний Еврейского комитета и понять, какие аргументы Карташевский, Фон-Фок и другие приводили в пользу или против военной службы евреев и каким образом у них сформировался проект устава о рекрутчине.

Два обстоятельства непрерывно и в разных вариантах обсуждались на заседаниях комитета: славное воинское прошлое еврейского народа и отношение европейских монархий к службе евреев в армии. Разумеется, в мемориях речь идет именно о «евреях» — тем не менее, совершенно очевидно, что члены комитета обсуждали евреев в духе эпохи Просвещения, видя в евреях израэлитов или древних иудеев, народ со славным библейским прошлым. Имена выдающихся просвещенных мыслителей XVIII века, таких как Христиан Вильгельм фон Дом или Йоганн Микаэлис — порой всплывавшие во время дебатов — также свидетельствовали, что обсуждение комитетом еврейской военной службы следовало логике европейского Просвещения. Члены комитета черпали свои аргументы из священной истории. Евреи, подчеркивали они, не только завоевали библейскую Палестину, но веками успешно защищали ее земли и расширяли ее территорию. В Вавилонском плену евреи частично утратили свои боевые качества, но в период восстания Маккавеев им удалось возродить военный дух. На Ближнем Востоке в древности евреи служили солдатами и военачальниками далеко за пределами границ еврейского государства. В пост-библейский период они храбро защищали Иерусалим и сражались против римлян. Западные христианские государства преследовали евреев из религиозных соображений, а потому и не допускали евреев к военной службе. Тем не менее, евреи хорошо себя зарекомендовали на службе в мусульманских армиях. Польские короли освободили евреев от военной службы и вплоть до конца XVIII века евреи не принимали участия в военных кампаниях. И все же, евреи бесстрашно защищали Варшаву в 1794 г. Такой послужной список, по всей вероятности, более детально разработанный в сгоревших протоколах заседаний, чем в мемориях, означал, что в представлении государственных чиновников, озабоченных обустройством евреев России, евреи вполне могли сражаться, причем профессионально и с полной самоотдачей. Во всяком случае, в их воображении евреи никак не ассоциировались с расхожим представлением о еврее как о трусливом, болезненном и ни на что не пригодном обитателе западных окраин империи. Теперь же перед государством стояла задача — помочь евреям возродить их прежние, ныне утраченные, способности.

Комитет въедливо изучил наличествующие распоряжения о призыве евреев на военную службу, принятые в Европе, и обсудил

⁵⁶ Kappeler. *Mazepintsy, Malorossy, Khokhly: Ukrainians in the Ethnic Hierarchy of the Russian Empire* // Andreas Kappeler, Zenon E. Kohut, Frank E. Sysyn, and Mark von Hagen. *Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter (1600-1945)*. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 163.

в деталях результаты конскрипции. Так, например, члены комитета отметили, что евреи во Франции служили наравне с остальными, пользовались правом выслуги и продвижения по службе, уже в 1812 году служили в армии в офицерском чине и даже назначались в элитные полки. Члены комитета также внимательно изучили законы 1780-х и 1790-х о военной службе евреев Австрии, отметив, что Пруссия последовала австрийскому примеру и что многие евреи в Пруссии записались на военную службу в качестве волонтеров. Европейский опыт, похоже, убедил членов Еврейского комитета, что военная служба принесла свои полезные плоды. Но у них оставались сомнения, прежде всего связанные с тем, что им представлялось непреодолимым препятствием должному несению службы — а именно, еврейский образ жизни. Евреи, обращали внимание члены комитета, были слишком сильно привязаны к своим религиозным традициям. Как еврейские солдаты могут нести службу в субботу, если в этот день запрещены все виды работ? И что делать с филактериями, которые взрослый еврей должен накладывать ежеутренне? Во время праздника Кушей (суккот) им предписано пить и есть под навесом из ветвей, а на Пасху питаться опресноками; подобного рода требования решительно расходились с правилами внутриармейской дисциплины. Кроме того, призыв в армию женатых евреев ударит по их семьям экономически и финансово. Привыкшие к многовековой привилегии, освобождающей их от натуральной повинности, евреи воспримут набор в армию как обузу, от которой следует любым способом избавиться, а не как священный долг, исполнением которого следует гордиться.

Чтобы развеять сомнения, Еврейский комитет обратился к наследнику Йоганна Давида Микаэлиса (1716-1791), выдающегося немецкого теолога, ориенталиста, филолога-библеиста и гебраиста из Геттингенского университета, а также, для получения более точных сведений о еврейском ритуале, к Тадеушу Чацкому (1765-1813), польскому историку, реформатору и министру образования, хорошо знакомому с еврейскими традициями своей родной Волынской губернии. Микаэлис был известен среди просветительских мыслителей своими консервативными, подчас едко скептическими взглядами на еврейскую реформу, особенно по поводу призыва евреев в армию. Парадоксально, что члены Еврейского комитета обратились к работам Микаэлиса как раз для того, чтобы с его помощью дать теоретическое обоснование еврейской воинской службе, и во все не для того, чтобы отвергнуть самое идею. Им пришлось кстати объяснения Микаэлиса, что евреи вполне могут сражаться в субботу — сражались ведь царь Давид и Маккавеи; что законы иудаизма не действуют в военное время (когда существованию народа угрожает смертельная опасность), и что в целом оборонительная война (в отличие от наступательной) отменяла жесткие требования религиозной традиции. Кроме того, члены комитета приводи-

ли аргументы из Чацкого, утверждавшего, что некоторые законы раввинистического (послебиблейского) происхождения при некоторых обстоятельствах как бы отменялись. Даже такой авторитетный орган как парижский наполеоновский Саннедрин считал возможным освободить евреев, находящихся на военной службе, от необходимости отправлять обряды веры. Да и прусский опыт показал, что евреи всегда отыскивали способ помочь своим собратьям, призванным в армию: так, зажиточные прусские евреи регулярно посылали опресноки в войска армии на Пасху. Русская военная администрация уже сталкивалась с нехристианами, соблюдающими свои ритуалы — мусульманам позволялось беспрепятственно отправлять ритуал, а в некоторых случаях к полкам приписывали мулл, как это произошло с татарским Уланским полком. Наконец, члены Еврейского комитета единогласно высказались за применение талмудического закона *дина де малькута дина* (закон государства есть закон для еврей) к разрешению всех проблем военной службы евреев. Разумеется, они истолковали его расширительно — куда более широко, чем область финансового права, где этот закон обычно применялся. Евреи вполне могут служить в армии, подытожил комитет. Более того, один из основных еврейских законов, утверждали члены комитета, давал теологическое оправдание исполнению евреями воинской повинности⁵⁷.

В 1826 г. Еврейский комитет поделился своими предварительными выводами и соображениями с несколькими государственными сановниками. Егор Канкрин, министр финансов и один из немногих придворных, к мнению которого прислушивался Николай, всячески поддержал идею рекрутской повинности для евреев. Он утверждал, что освобождение их от службы привело к нелегальному водворению евреев Австрии в западных областях Российской империи, куда они переселялись, чтобы избежать призыва. Дабы остановить еврейскую иммиграцию в черту оседлости, следовало бы распространить на евреев воинскую повинность. Он также полагал, что те евреи, которые испугаются и не захотят служить, рьяно примутся за производительный труд, достигнут более высокого экономического положения и уже не будут представлять собой обузу казне. Министр народного образования также нашел эту меру полезной. Целый ряд министров, чьи имена не упоминаются в документах, высказали мнение, что евреи Белоруссии, особенно беднейшие из них, должны быть немедленно отправлены в армию. На основании этих советов, собственных своих выводов и документов

57 РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 180 (Мемории заседания комитета, составленного для приготовления проекта нового положения о евреях за январь-декабрь 1826 г.). Л. 25-30 (автор пользовался микрофильмом этого документа, см.: Central Archive for the History of Jewish People (далее — САНЖР), Jerusalem, HM2 / 9318.1).

о военной службе евреев в западных армиях Еврейский комитет составил предложение о распространении на евреев рекрутской повинности и отослал проект устава вместе с мемориями Николаю.

Николай прошелся карандашом по присланным бумагам и оставил маргинальные пометы и замечания. Мысль о введении гражданских обязанностей для евреев ему пришла по вкусу. Он также отметил, что евреев следует сдавать в рекруты «без зачета» в качестве наказания за совершенные ими преступления, а также ради вящего успеха их гражданского преобразования. Николай четырежды подчеркнул предложение о наборе в армию кантонистами еврейских мальчиков не моложе двенадцати лет. Он одобрительно кивнул, читая предложение об освобождении еврейских гильдейских купцов как пользующихся наибольшим доверием. Он также согласился с тем, что евреев следовало регистрировать в армии под их еврейскими, а не аналогичными христианскими, именами. В конце концов Николай потребовал незамедлительно рассмотреть предложение и составить окончательный вариант устава еврейской рекрутской службы⁵⁸. Наконец, 26 августа 1827 года он высочайше подписать соизволил представленный ему указ.

Выводы

Распространение на евреев рекрутской повинности Николаем I — важнейший шаг в направлении еврейской интеграции и модернизации. Указом 1827 г. Николай возложил на евреев черты оседлости важнейшую из государственных повинностей; он счел евреев достойными высокой патриотической миссии и годными к ее исполнению. Многие другие этнические меньшинства — из иноверцев — не были удостоены этой высокой, хотя и сомнительной, с точки зрения практики рекрутчины, чести. Призвав евреев в армию, Николай сделал также шаг навстречу унификации русского законодательства с европейским в отношении религиозно-этнических меньшинств. Николаевский Еврейский комитет рекомендовал включение евреев в призывные списки, поскольку такая мера интеграции уже была применена повсеместно Западной Европе и к 1827 году евреи служили в армиях большинства европейских стран. Особенности николаевского воспитания также сыграли свою немаловажную роль в процессе выработки решения о введении еврейской рекрутской повинности. Николая отличала навязчивая идея превзойти

Петра Великого. Он был твердо убежден, что настоящее служение отечеству возможно только в армии и что только армия дает подлинное понимание свободы. Исходя из этих соображений, Николай «переписал» предложенную ему еврейскую реформу, поменяв местами важнейшие пункты западноевропейского эмансипационного пакета. Он поставил военную службу во главу угла, отодвинул на второй план реформу образования и ни словом не обмолвился о введении равноправия. Поэтому, хотя распространение на евреев обязанностей, возложенных на другие части населения, и явилось энергичной попыткой их интеграции, оно не привело к эмансипации жителей черты оседлости Моисеева закона. По Николаю, эмансипация начиналась и заканчивалась с введением равных обязанностей, но не равных прав — этой бесплодной иллюзии, как он любил повторять в таких случаях. В этом смысле его отношение к евреям мало чем отличалось от отношения ко всем остальным его подданным.

⁵⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 179 (Представленные государю императору записки еврейского комитета о ходе его дел, 1826–27). Л. 15–16 (я пользовался копией этого документа, см.: САНЛР, НМ2 / 9318.2); РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 181 (Записки Государю Императору о занятиях еврейского комитета, 1827). Л. 37–48. (САНЛР, НМ2 / 9318.3).